О.Б.) неудобно. ... Это вопрос серьёзный, только для него нужен другой состав для обсуждения и при моём личном участии!»²⁰. Однако никаких последствий этот разговор не имел. Безрезультатной оказалась и деятельность Особого совещания. После скандальной женитьбы в 1902 г. вел. кн. Павла Александровича Шереметев с раздражением писал: «Уходит доверие и уважение, ко всему прибавляется “сектанство”, распущенность фамилии небывалая... Хорош я со своим наивным проектом об ограничении Императорской фамилии! Со мной проделали обычную комедию, при этом слабое понимание прав собственности и границ между своим “личным” и “государственным”, на чём так твёрдо стоял Александр III»²¹.

Сюжетные пересечения в записях Половцова и Шереметева позволяют лучше понять, казалось бы, проходные события и детали, подчас далёкие от большой политики, но на самом деле имевшие к ней самое непосредственное отношение. Подобных пересечений в известных дневниках того времени довольно много. Именно в них и видится основная ценность этих источников для изучения политической истории императорской России.

Маргарита Вандалковская: Как издавали дневник А.А. Половцова

Margarita Vandalkovskaia (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences): How we published A.A. Polovtsov's diary

Обсуждая публикацию О.Ю. Голечковой, нельзя не вспомнить о Петре Андреевиче Зайончковском, замечательном преподавателе Московского университета, ярком и незаурядном человеке, подготовившем первое научное издание дневников А.А. Половцова 1883–1892 гг. Я знала профессора Зайончковского ещё до поступления в университет. Мои родственники Гудковы были близкими друзьями Петра Андреевича и его супруги Ираиды Павловны. Часто Гудковы, Зайончковские и мои родители ездили на машинах по историческим местам: в Волоколамск, в Остафьево, в Серпухов, на Бородинское поле и т.д. Разумеется, инициатором этих поездок был Пётр Андреевич. Он увлечённо рассказывал об архитектурных памятниках и событиях прошлого. К этим поездкам иногда присоединялась и я, ученица средней школы.

Во время учёбы на историческом факультете МГУ я не была ученицей Петра Андреевича. Меня тогда интересовали проблемы общественной мысли и революционного движения, которыми он не занимался. Я с удовольствием и благодарностью училась в семинаре И.А. Федосова, но и с Петром Андреевичем установились добрые отношения. Он был щедр на общение и понимал возможность иных, чем у него, интересов, или просто проявлял снисходительность. Вместе с Федосовым, моим научным руководителем, и Петром Андреевичем (они жили в одном доме у Красных ворот и были в дружеских отношениях) мы шли на защиту моей дипломной работы. Пётр Андреевич всю дорогу шутил и говорил, что после защиты я, наконец, займусь внутренней политикой России.

После окончания университета я начала работать в Институте истории АН СССР в секторе источниковедения, которым руководил известный учёный и прекрасный человек Алексей Алексеевич Новосельский. Однажды к нам в

²⁰ Там же, д. 5043, л. 87.

²¹ Там же, д. 5047, л. 114.

сектор пришёл Пётр Андреевич и предложил организовать работу по подготовке к изданию исторических источников, которую он мог бы возглавить. Речь шла об уникальных памятниках – дневниках П.А. Валуева 1861–1876 гг. и государственного секретаря А.А. Половцова 1883–1892 гг. А.А. Новосельский с готовностью согласился на это предложение. Однако реализация данного плана проходила не просто. Л.С. Гапоненко, долгое время являвшийся бессменным заместителем директора Института, предпочитал выпускать документальные издания лишь по советскому периоду. Понадобилось вмешательство директора Института В.М. Хвостова, поддержавшего это предприятие.

В секторе источниковедения была сформирована группа, в которую вошли К.М. Платонова – старый сотрудник сектора, строгая и довольно догматично мыслящая дама (она принимала участие лишь в подготовке первого тома дневника Валуева) и я. Центральный государственный архив Октябрьской революции, где хранились выбранные Петром Андреевичем источники, в группе представлял Герман Михайлович Лифшиц, талантливый и образованный учёный, к сожалению, рано ушедший из жизни.

У Петра Андреевича, опытного педагога и публикатора, уже опубликовавшего четыре тома дневника Д.А. Милютина, сложилась своя система подготовки фундаментальных документальных изданий крупных политических деятелей. «Прежде всего, – говорил он, – вы как составители этого издания должны знать, кем являлся Половцов для России, каким он был человеком, на чём сосредотачивался, что ему нравилось... Если вы будете знать о человеческих качествах Половцова, вы лучше поймёте, что он пишет». Тем самым Пётр Андреевич настраивал нас на проникновение в помыслы автора, в психологию его творчества. Следуя этому указанию, мы позднее принимали равноправное и свободное участие в обсуждении его вводной статьи о Половцове, открывавшей первый том «Дневника»²². Характерно, что Пётр Андреевич с благодарностью принимал наши замечания, не проявляя никакого снобизма.

Работа шла в хранилище архива, где стояли два стола, за которыми мы читали тексты. Тетради с записями Половцова были разделены на две части. Каждый из нас читал «свою» половину, отмечая для себя неразборчивые и сомнительные места, несогласованные фразы, трудные слова и т.д. Затем мы обменивались рукописями и прочитывали их вместе. Далее дневник перепечатывали квалифицированные машинистки и мы сверяли сделанную ими копию с подлинником, учитывая свои замечания при первоначальном чтении.

Наша работа продолжалась с 10 до 5 час. дня. Два раза в неделю Пётр Андреевич приходил в архив и некоторое время сидел с нами, выборочно просматривая наши материалы. Он тщательно следил за регулярной посещаемостью архива, но Герман как сотрудник архива являлся туда каждый день, так что Пётр Андреевич следил главным образом за мной. Иногда он звонил мне по телефону в 7 час. утра и говорил, что ждёт меня в 9.00 у выхода из метро «Фрунзенская». Я спешила вовремя добраться до места встречи. По дороге Пётр Андреевич рассказывал о новостях, о том, что произошло с ним за последнее время, или о том, как важно для науки публиковать исторические источники, и т.д.

Следующий этап работы проходил в квартире Зайончковских, куда из архива привозили подлинники тетрадки дневника. Мы просиживали у Петра Ан-

²² Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 5–18.

дреевича по 4–5 часов. Выборочно читали дневник, обращая особое внимание не только на несурзанности текста, но и на переводы с французского языка, выполненные сотрудницей национального комитета историков Н. Розанцовой.

В перерывах, которые следовали через 2 часа, Пётр Андреевич развлекал нас, рассказывая о своих иностранных учениках. Особую любовь он испытывал к Т. Эммонсу, ставшему впоследствии известным учёным. Вспоминал он и о своей армейской жизни, любил повторять, что учился в кадетском корпусе, но затем ему пришлось работать пожарным. Неоднократно упоминалось также о «парадоксальном эпизоде» его жизни – недолгом браке с преподавательницей марксизма-ленинизма и т.д. Иногда наше сидение прерывала Ираида Павловна, жалуясь, что Пётр Андреевич много работает, не отдыхает и мало внимания уделяет домашним делам. На это её муж отвечал весёлым смехом.

Издательским редактором дневников Половцова стал А.И. Юхт – опытный, придирчивый, но доброжелательный человек. Воспоминания о сотрудничестве с ним вызывают самые добрые чувства.

Как руководитель Пётр Андреевич был строг, иногда придирчив. Но работало с ним приятно и весело. Живость его характера, остроумие, доброжелательство и смешливость создавали необычайно притягательный образ человека, с которым легко общаться и находиться рядом. Кроме того, научные принципы, которыми он дорожил, ставя исторический источник во главу исследовательской деятельности, способствовали освобождению от идеологизации и предвзятости.

Публикаторская работа, особенно под началом умного историка, приносит большую пользу, обогащая и самих публикаторов, и читателей. Она во многом формирует их отношение к истории – науке, в которой знание документальных данных предшествует толкованию событий прошлого.

Сергей Куликов: В лучших традициях отечественной археографии

Sergey Kulikov (Saint Petersburg institute of History, Russjan Academy of Sciences): According of the best traditions of Russia's archeography

За последние десятилетия было издано и переиздано немало дневников государственных деятелей. Чаще всего они просто воспроизводятся, иной раз даже с предисловиями первых публикаторов. Гораздо сложнее, конечно, готовить к печати не опубликованный ещё источник, проводя длительный источниковедческий анализ текста, составляя вступительную статью, текстологические и реальные комментарии и аннотированный именной указатель. Но, пожалуй, ещё труднее опубликовать уже известный документ на качественно новом, по сравнению с предшествующей публикацией, уровне, сверив его с архивными автографами, нуждающимися в тщательном изучении, и устранив все допущенные ранее недостатки. Это требует особого мастерства исследователя. Именно так подготовлен О.Ю. Голечковой дневник А.А. Половцова за 1893–1909 гг. Это издание, выполненное в лучших традициях отечественной археографии, не только хронологически, но и по существу продолжает знаменитый двухтомник, выпущенный в своё время П.А. Зайончковским (и даже восполняет имеющиеся в нём небольшие пропуски).

Как известно, отрывки из дневника Половцова 1894–1909 гг. печатались в 1920–1930-х гг. в «Красном архиве», однако при этом порою пропускались слова, предложения, целые абзацы (иногда из длинной записи воспроизводилось